
Анастасия Зерлинда
История Инги
18+

Анастасия Зерлинда

История Инги

«Автор»
2026

Зерлинда А.

История Инги / А. Зерлинда — «Автор», 2026

Юный Андрей попадает в странный дом, у хозяйки которого есть тайна. Сможет ли мальчик спасти её?

© Зерлинда А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Похороны. 5
Глава 2. Дом «Плющи». 11
Глава 3. Закрытые двери. 15
Конец ознакомительного фрагмента. 16

Анастасия Зерлинда
История Инги

Глава 1. Похороны.

Холодным пасмурным днём 27 октября в 2001 году на Богословском кладбище собралось много народу. Прощались с художницей Екатериной Левиной. Она была известна полотнами в стиле сюрреализма и её выставки были известны по всему городу. Вот гробовщики медленно опустили гроб, а после близкие друзья выступили с речами — у одних речь была короткая и ёмкая, а других слушали по несколько минут. Затем священник освятил могилу. Добродушный старик, Николай Сергеевич Березовский, профессор из Академии художеств, знал Екатерину много лет, души в ней не чаял, и смерть её поразила его. Да что там, внезапный уход художницы потряс всех её знакомых! Никто и не подозревал, что уже несколько лет она боролась с болезнью, и в конце концов ужасный рак оказался сильнее её. Екатерина умерла в 45 лет, оставив одиннадцатилетнего сына Андрея.

Мелкий дождь крапинками-иголками падал на лицо мальчика. Пальцы замерзли так, что Андрей едва мог их разогнуть, и он насквозь продрог. Холодный ветер хлестал его со всех сторон. Андрюша ходил по кладбищу, несмотря на то что попечитель из органа опеки велел ему сидеть возле главного фонтана. Мальчику противно было видеть, как все эти совершенно чужие люди расхаживают рядом с могилой матери. Ему не хотелось видеть даже дядю Рената, который горланил и гоготал сейчас с гробовщиком, а также двоюродного брата Гришу и его сестру Ангелину. Когда какой-нибудь гость зачитывал речь с пафосным видом, высоко задрав нос от довольства своим сочинением, ему так и хотелось плюнуть ему прямо в лицо! Андрюша убежал туда, где под ногами была грязь, чтобы уйти подальше от всех этих утончённых и интеллектуальных гостей, которые побоялись бы запачкать свои начищенные лакированные ботинки в этой части кладбища.

Проходя мимо ограды, Андрей увидел, как рядом с беседкой ведут беседу двое: один был какой-то кривой и ужасно худой, как палка, он будто прыгал перед собеседником и постоянно норовил заглянуть ему в лицо. Это был Пронин. У него были быстрые острые глаза, блестящие от влаги, а на голове — нелепая плоская шляпа, которая падала ему на глаза. Пронин был давним знакомым Екатерины, но казалось, что пришёл он не для того, чтобы оказать дань уважения покойнице. Алексей Фёдорович ни разу не заговорил о ней и вообще казался за гранью приличного весёлым. Зато он тщательно позаботился о том, чтобы поздороваться с каждым из гостей, пожать им руку и представиться.

Человек, который стоял рядом, терпеливо слушал Пронина. Его звали Николай Сергеевич Березовский. У старика были приятные черты лица, а его печальный взгляд устремлялся куда-то вглубь кладбища. Пронин так и наваливался на него, но тот лишь вежливо кивал тому в ответ и не злился.

В беседке сидела тучная, дородная женщина, и звали её Светлана Дмитриевна. Она была женой генерала, поэтому привыкла смотреть на людей чуть свысока, кем бы они ни были. Светлана Дмитриевна знала Екатерину много лет, с тех пор как художница переселилась на Рабочую улицу. Андрей помнил, как мама часто оставляла его со Светланой Дмитриевной, какая большая у неё была квартира и какие вкусные она пекла пироги. Жена генерала хотела забрать Андрея к себе, но попечитель из органа опеки ничем не мог ей помочь. Он лишь повторял ей, снова и снова, что Екатерина Левина передаёт сына под опеку другому человеку. Такое решение матери невероятно злило жену генерала, расстраивало, и Светлана Дмитриевна сидела, обхватив большой живот, поминутно вздыхая от глубочайшей досады и горькой обиды.

На похороны пришёл весь научно-художественных совет, не считая многочисленных друзей с их семьями. Гостей было так много и казалось, что пришёл весь город. Только сестра её — Зоя Александровна Апраксина, которая утроила похороны исключительно из чувства долга — не пришла сегодня; она уже много лет не общалась с Екатериной. Зоя Апраксина осталась следить за третьим ребёнком — маленькой Лилей. «А что будет с мальчиком?», спросил громогласный Апраксин, муж Зои Александровны и дядя Андрея. Дядя Ренат приехал со своим сыном Гришей двенадцати лет и Ангелиной, которой недавно стукнуло восемь.

— Вы что же, не знаете, Ренат Григорьевич? — спросила его дородная пожилая женщина.

Апраксин лишь развёл руками. Он так увлёкся шампанским и водкой, что язык у него был донельзя подвешен, и он сказал, наливая себе ещё один стакан:

— Кажется, нам придётся забрать Андрея, мы — единственные родственники! — сказал дядя Ренат, пожимая плечами. — Что поделаешь, придётся устроить мальчишку, несмотря на то, конечно, что у нас с Зоей и так трое… — Он говорил и говорил, не обращая никакого внимания на попытки пожилой женщины вставить слово: «Но, Ренат Григорьевич, послушайте! Ренат Григорьевич…». Апраксин был так поглощён тем, что расписывал все трудности семейной жизни и что воспитание детей целиком ложится на плечи отца, и не замечал отчаянных попыток Светланы Дмитриевны сказать слово.

— И всё же, Светлана Дмитриевна, я отец, у меня трое детей! — говорил дядя Ренат своим громким голосом. Если бы мы с Зоей хотели завести четвёртого (моя бедная Зоя, она так любила сестру!) — и он продолжил описывать отчаянное положение в их семье. Ренат Григорьевич говорил о том, как ему тяжело, о том, что у них в доме только восемь комнат, из них одна гостиная, три детские, две гостевые, кабинет его и комната, которая раньше была гостевой, но теперь там стоит пианино для дочки Ангелины…

— В общем, очень жаль, но лишних комнат у меня в доме нет! — говорил Апраксин. — Не могу же я поселить его вместе с Гришей, хотя, видимо, придётся… Я постараюсь объяснить сыну, что это необходимая мера, мальчик должен научиться делиться!

В это время хулиган Гриша как раз подошёл к отцу и стал возражать по поводу комнаты. Апраксин объяснял ему, что теперь, когда у бедного Андрюши нет матери, они, как его единственные родственники, они должны будут взять мальчика на попечительство.

Гриша возражал:

— Пусть лучше отдадут его в детдом! — заявил он, сплёвывая на землю от злости.

— Мы не можем, сынок, пойми. — сказал Ренат Григорьевич, широко разводя руками, — Мы не можем.

В это время Светлана Дмитриевна прямо-таки покраснела от нетерпения.

— Ренат Григорьевич, да послушайте же! — проговорила, наконец, старая женщина, запыхавшись. — У мальчика уже есть установленный опекун.

— Какая новость! Я ведь уже был готов потесниться и приютить бедного племянника! — он прокашлялся. — Да кто же это?

Светлана Григорьевна вздохнула.

— Ох, вы лучше не спрашивайте, Ренат Григорьевич!

— А что такое? — поинтересовалась кухарка.

Не желая больше сдерживать свой гнев, Светлана Дмитриевна высказала без обиняков всё, что думает:

— Да что-что! Эта женщина, которой Катерина велела передать мальчишку, совсем не подходит на роль опекуна! Я бы сама забрала его, чем отдавать ей! Катерина так замучилась с болезнью, что под конец у неё голова перестала работать, вот что я думаю! Отдать ребёнка этой сумасбродке, кошмар! Она работает допоздна, когда она будет за ребёнком следить-то? Эта ненормальная Инга живёт в сорока минутах езды отсюда, в доме на отшибе, почти в лесу,

совсем одна! У неё бывает брат — странный тип, ещё более чудаковатый, чем эта Инга. Ведьма она, вот что! Нет, не могу я себе это представить! Мне плохо! Принесите мне воды!

В беседке стало тихо. Теперь говорливый Ренат Григорьевич помалкивал: он был счастлив, что не придётся брать Андрея к себе. Гриша неподалёку собирал шишки и кидал их со злостью в стену кладбищенского сарая. Ангелина, как всегда, сидела, не шевелясь, и почти не дыша, и смотрела на всех выпученными глазами, положив руки на колени.

Дородная старуха думала о мальчике, о том, как бы ей забрать его, и об Инге Сибиновой, которой должны были передать Андрея и которую Светлана Дмитриевна прямо-таки возненавидела. Ещё бы, ведь она совсем не была знакома с ней. Как легко делать поспешные выводы о человеке! Достаточно одного слова, одного слуха, чтобы народ отвернулся от него, особенно если он не такой, как все. Настоящие друзья не отвернутся никогда. Так Инга стояла сейчас рядом с могилой Екатерины и прощалась с ней. Она была почти неподвижна, только плечи Инги легонько подрагивали.

Моросил лёгкий дождь. Пахло сырой почвой и сгнившей травой, из-за густого тумана ничего не было видно. Это была осень — период гниения, время, когда природа постепенно успокаивалась и готовилась ко сну. Всё было похоже на сон в тот день. Всё было похоже на сон, но когда кто-то говорил, то нарушал этот покой. Неподалёку Апраксин пьяным голосом, почти хрюкая, заговорил было об отце мальчика. Андрюша не хотел слушать, как дядя его плохо отзывается об отце, он не хотел слушать никого, и видеть никого не хотел, и убежал он ещё дальше. Стараясь уйти незаметно, мальчик медленно ушёл к старому памятнику-склепу какого-то известного человека — он не помнил, кого. Слёзы сами текли у Андрея из глаз, помимо его воли, а в горле застрял большой комок.

Вдруг из-за деревьев выступили три мальчика. Он тут же узнал их. Первый, младший, был Володя, сын директора магазина, второй был Федя из параллельного класса, а третий был Гриша, двоюродный брат Андрея. Похоже, сидеть в беседке с дядей Ренатом ему надоело, и он решил собрать банду.

— Это у тебя что, слёзы? — спросил он, улыбаясь и задирая голову. — Только не говори, что из-за мамы плачешь.

Все трое захохотали, переглядываясь.

— Закрой рот! — ответил ему Андрей, выходя их себя.

Володя ковырялся в носу, а Федя скрестил руки на груди. Он стоял на тротуаре, боясь замарать новые туфли, но Володя, наверное, единственный наравне с Андреем не думал об этом, ведь на нём были старые кроссовки, уже заляпанные в грязи.

— Моя мама говорила, что тётя Катя была всего лишь бездарной художницей, которая сломала себе жизнь. — сказал Гриша, взмахивая светлыми кудрями, — Она ещё кое-что о ней говорила, я могу тебе рассказать по секрету…

— Засунь своей матери комок ваты в рот! — закричал Андрей, сгорая от злости и обиды.

— Я хотел тебя просветить, — сказал Гриша, подходя ближе, — Ты начал грубить, а грубить не вежливо.

Гриша толкнул Андрея, и не прошло и двух секунд, как началась драка. Он чувствовал, как кузен дерёт ему волосы, а сам бил его по лицу как можно сильнее. Один раз Андрей в кровь разбил ему губу. Гриша от злости повалил его на землю и ударил бы, но кто-то прокричал «Не трогай его!» и с огромной силой столкнул наземь так, что тот запачкал свой новый костюм и лакированные туфли. Он поднял глаза и увидел девочку с горящими глазами. Она смотрела на всех троих серьёзно и хмурилась. Девочка будто сияла изнутри.

Оглянувшись, Гриша не нашёл своих товарищей, и побежал прочь.

Девочка подала руку Андрею, и он услышал её звонкий голос: «Я Оля! Ты в порядке?». Шмыгая носом и отряхиваясь, он пробормотал, что в порядке. «Я знаю тебя, ты Андрей!» Оля широко улыбалась, но потом её лицо вновь стало серьёзным, и она добавила, положив

руку Андрею на плечо: «Нам с дедушкой очень жаль твою маму. Он считает её невероятно талантливой художницей».

Вдруг Андрей увидел вдалеке дядю Рената. Он кинулся со всех ног, и бежал всё дальше и дальше, пока ноги не устали. Мама говорила Андрею когда-то, что дракой ничего не решишь, и ему стало мучительно стыдно. Мальчик ослушался её, и теперь, на небесах, мама не будет любить его. Андрей всё бежал, бежал и остановился только тогда, когда оказался в самой старой части кладбища. Многие могилы были заброшены и полностью заросли травой.

Дрожа от холода, Андрюша брел молча по безлюдной части кладбища. Пожухла трава, почти все листья опали и потеряли свой цвет, одни — высохли и скрутились, другие — уже сгнили. Вокруг были только голые ветки. Под ногами было месиво из того, что ещё только этой весной было маленькими клейкими листочками. Мальчик вспомнил, как гулял с мамой весной в парке. Сейчас всё изменилось.

Сейчас всё изменилось.

Всё внешнее казалось так смешно и уродливо в эту секунду, а всё, что по-настоящему важно — навсегда утеряно. Чувство невыносимого горя душило Андрея. Ему чудилось, что он падает в бездонную пропасть, как ноги отказывают ему, а голова становится тяжёлой от слёз. Мальчик хотел только одного: чтобы мама была рядом. Он оказался рядом с небольшим прудом. Андрей не сразу заметил, что упал на землю. Он плакал и плакал, и задыхался от слёз, глотая воздух. Наконец Андрюша успокоился и поднялся на ноги. Вокруг никого, только старый пруд. Неподалёку крякали и шумели утки.

Подняв голову, Андрей вздрогнул от ужаса. В шаге от него стоял высокий человек в чёрном пальто и был чрезвычайно бледен и худ. На лице двумя изгибами выделялись впалые щёки. Лицо его не выражало никаких эмоций, но, когда Андрей в страхе попятился назад, тот лишь слегка приподнял бровь. Человек этот не шевелился, не издавал ни единого звука и казалось, не дышал. Мальчик в страхе кинулся бежать назад.

Он добежал до центральной части кладбища и увидел, что у ворот стояла какая-то высокая женщина и с ней разговаривал попечитель. Андрей уже видел её на церемонии погребения. У этой женщины были большие очки и выражение у неё было сухое, даже серьёзное. Казалось, её лицо не отображало совершенно никаких эмоций, даже равнодушия. Женщина смотрела вперёд, но нельзя было сказать, смотрит ли она на собеседника, или куда-то вдаль. Уголки рта были слегка опущены, что было постоянной чертой для неё. Андрей незаметно подошёл ближе, спрятался за высоким надгробием и подслушал их разговор.

— Вы, конечно, уже знаете из письма, что становитесь опекуном этого мальчика. — говорил попечитель.

— Я знала об этом задолго до получения письма. — проскрипела женщина. В руках у неё были документы, которые попечитель дал ей подписать.

— Что ж, Инга Александровна… — начал было попечитель, указывая на документы, — Я думаю…

«Так вот кто будет моим опекуном!» — подумал Андрей и вдруг припомнил, как однажды за ужином мама упомянула имя «Инга». Тогда он не обратил на это никакого внимания.

— Ему будет небезопасно у нас, — сказала Инга решительно, дочитав бумагу, — Боюсь, это невозможно. Я долго думала об этом. Не хочу подвергать ребёнка опасности.

— Но, Инга Александровна, вы единственная имеете право на опекунство, исходя из завещания Екатерины Александровны… — говорил попечитель.

— Разве у мальчика нет родственников? — спросила она.

— Есть, но мы опираемся в первую очередь на завещание. — был ответ, — Кроме того, его единственная родная тётя не выразила желание взять мальчика к себе. Вы видите — сестра Екатерины не присутствовала сегодня на похоронах.

Инга задумалась.

— Что ж… А если я откажусь? — спросила она, раздумывая.

— Опекунство перейдёт на его тётю. — сказал попечитель, — Но я не думаю, что мальчик найдёт семью в их доме. Решение за вами, Инга Александровна.

Минуту спустя к ним подошёл тот страшный, бледный человек, которого он увидел около пруда.

— Ах, здравствуйте, Симон Александрович! Я как раз обсуждал с вашей сестрой вопрос опекунства.

Попечитель заметил Андрея, который неосторожно показался из-за надгробия. Тот подошёл к нему и поспешно схватил мальчика за руку.

— Пойдём, Андрей. Видишь ту женщину возле ворот? Это твой опекун, Инга Александровна, — сказал ему попечитель. — Пойдём, ты поздороваешься с ней.

Попечитель сжал его руку покрепче и повёл к воротам. Андрюша видел, как Симон стоял теперь, и смотрел прямо на него! Он был ещё выше сестры и стоял прямо, опустив голову и смотрел исподлобья таким же безжизненным взглядом, как и у Инги, и казалось, совсем не дышал. Они были уже совсем близко! Андрей рванулся было бежать, но попечитель крепче схватил его за руку и лишь с недоумением посмотрел на него. Ему хотелось закончить это непростое, затянувшееся дело с мальчиком поскорее и успеть домой к ужину.

— Инга Александровна, вот ваш подопечный. Андрей, познакомься — Инга Александровна. — проговорил он.

Инга медленно наклонилась к нему, не отрывая от мальчика взгляда и посмотрела на него из-под длинной чёлки, и улыбнулась.

— Да, ты в самом деле её сын. — смотрела она на него проницательно.

Потом она резко поднялась и сказала: «Садись в машину».

Андрею пришлось сесть в большой чёрный автомобиль, за рулём которого сидел тот страшный человек. Он боялся свою опекуншу, а этого человека боялся ещё больше. Инга ещё какое-то время обсуждала вопросы с попечителем, а потом села рядом с Симоном, не сказав ни слова.

Уже через пять минут они были далеко от кладбища. По окну скатывались капли дождя. Мелькали дома холодного Петербурга, деревья и болота. Кто были эти люди, которые забрали его от попечителя? Андрей снова подумал о маме и в горле вырос комок. Он не понимал, чего ему хотелось больше — сжаться до невидимой точки, почти исчезнуть, или расшириться, взорваться до бесконечности, заполняя собой всё пространство. Андрей подумал, что хочет и того и, и другого. Он вообразил колючего зверька перед собой, который то и дело менял форму. Зверёк говорил ему не вешать нос и не бояться. Он смело подлетало то к Инге, то к Симону, пролетал у них перед лицом. Ему не хотелось попасть в аварию из-за зверька, поэтому мальчик отогнал его. Инга не шевелилась. Существо село ей на голову, и Андрею показалось, что она вздохнула. За окном замелькали деревья, потом открылось широкое поле. Он не заметил, как заснул.

Интересно, как быстро меняется восприятие! То, что имеет значение сегодня — завтра может полностью разрушиться. Идёшь вперёд, уплываешь с дождём. Андрею приснилось, как колючий зверёк взял его за руку и привёл обратно на старое кладбище. Мама ждала его. Она стояла рядом со своей могилой. Мама улыбалась, смеялась. «Всё хорошо, Андрюша, это глупости всё», говорила она. «Помнишь, мы хотели сходить к пруду? Идём сейчас, пошли!» Андрюша заплакал. «Мама! Мамочка! Не исчезай так больше, пожалуйста!» Он побежал к ней со всех ног, падая по дороге, задыхаясь. Казалось, она была рядом, но мальчик никак не мог добежать до неё, и чем быстрее он бежал, тем дальше она была. «Идём, Андрюша!» — звала его Екатерина. Ему удалось ухватить маму за руку, притянуть к себе и крепко-крепко обнять. Он поднял на неё глаза, и увидел, что рядом никого нет, а стоит он один в открытом поле без

травы. Вдруг прогремела гроза, и на него хлынул дождь. Он кричал: «Мама! Мама!». Рядом оказался большой высокий особняк. Кто-то тряс его за плечо. Андрей открыл глаза.

Рядом стояла Инга и молча смотрела на него. Автомобиль остановился, дверь была открыта. Инга трясла его за плечо. Отерев слёзы, Андрей вышел из машины. Они оказались перед большим домом-усадьбой, по стенам которого раскинулся длинный плющ. «Как далеко я от Петербурга?», — подумал он. Было уже около девяти часов вечера.

Глава 2. Дом «Плющи».

Это был большой дом в два этажа, стены которого были построены из огромных серых камней. Дорожка перед главным входом выложена была мелкой плиткой в виде острых ромбиков. Во дворе было так темно и сыро, что стены дома и тротуар местами покрылись мхом и плесенью. Вокруг росли высокие клёны и полностью закрывали главный вход от солнечного света. Когда они поднялись по ступеням, невозможно было увидеть дальше двух шагов перед собой, поэтому пришлось просто идти вперёд, полагаясь на удачу. Сибиновы не произнесли ни слова. Открылась дверь, и наконец кто-то включил свет.

Войдя в помещение, Андрей будто перенёсся назад в прошлое. Большая прихожая была залита слабым тёплым светом, который падал на пол, выложенный чёрно-белой шахматной плиткой. Посередине лежал старый круглый ковёр. Все окна были наглухо закрыты и плотно занавешены. У стены наверх шла деревянная лестница с резными перилами. Однако, старинную обстановку местами нарушали вещи нынешнего века: фонарик на тумбочке из далёкого прошлого, телефон там же, и пылесос в углу. На стене висела фотография полной пожилой женщины в старомодном платье. Запах сырости и затхлости заполнял пространство.

В гостиную влетела, запыхавшись, невысокая женщина лет шестидесяти, все её звали просто Нина, по привычке. На ней был кухонный фартук и чепец. Она забыла оставить на кухне прихватку, а сейчас суетливо теребила её в руках и не знала, куда деть такой полезный на кухне предмет.

— У меня всё-всё готово, как ты и просила, — сказала Нина Инге. Похоже, она невероятно гордилась своими приготовлениями.

— Спасибо, Нина. — сказала Инга.

— Ах, вот и Андрюша приехал! — всплеснула руками Нина, отыскав глазами мальчика. Как мы тебя долго ждали, как ждали! Давно в этом доме не было детей. Только хозяева сами и были детьми здесь, но это было, наверное, сто лет назад, хоть я, позвольте, вовсе не чувствую, что постарела. — она глубоко вздохнула, — Как только Инга сказала, что в «Плющах» поселится мальчик, я тут же побежала готовить комнату, тут же!

Андрей не понимал, почему его «так долго ждали» здесь, и кто все эти люди, однако ему сразу понравилась Нина. Она ничуть не была похожа на хозяев дома — Ингу и Симона. Нина оказалась простой и доброй женщиной.

— Нина, покажи Андрею его комнату, пожалуйста. — сказала Инга. — И пусть переоденется к ужину.

— Пойдём, мальчик. — сказала добрая старушка, и повела его вверх по высокой лестнице.

На втором этаже находились все спальни дома, но большинство из них были не обжиты, заброшены, и лишь иногда Нина заходила в эти комнаты, чтобы смахнуть пыль со старой мебели. Уже много лет в усадьбу не наведывались гости. С тех пор, как умерла старая Анна Сухтелен, наследница знатного рода, здесь не было ни одного званого вечера и даже окна первого этажа наглухо заколотили. Последнее особенно удивляло Андрея. Зачем Инга закрыла окна, почему она никогда не ходит в гости и почти ни с кем не видится за пределами университета? Почему она говорила тогда, на похоронах, что Андрею здесь будет опасно? Все эти вопросы долго не давали ему покоя. Хорошо, что рядом всегда была Нина, которая то и дело отвлекала его от мрачных раздумий.

Нина жила в «Плющах» уже сорок лет. Дом был построен в XVIII веке графом Сухтелен, чья фамилия передавалась на протяжении многих поколений. Нина служила при самой Анне Сухтелен, последней носительницей родовой фамилии, и которая была тёткой Инги. Добрая старушка многое застала в этом доме!

— Вот, Андрей, ты будешь спать здесь. Ну же, выше нос! Смотри, какая у тебя большая комната! — она подошла к окну, и открыла форточку. — И высокие потолки! Пусть форточка будет открыта какое-то время, здесь очень долго никто не жил, и, сколько ни проветривай, ещё разок лишним не будет точно. Немножко холодно будет, но зато свежо.

Андрей сел на кровать у стены. Всё вокруг казалось ему странным с непривычки, а комната — неуютной. Он загрустил.

— Да, комната большая! — воскликнула Нина. — Я вот который год живу в маленькой комнатушке у входа, а ведь проработала для Сибиновых двадцать лет, да ещё столько же — для Анны Сухтелен! Благо дом рядом и ухожу ночевать, а целый день здесь. Муж мой ворчит, что поздно прихожу домой, но что делать? Хозяйку надо накормить вечером, а она сама поздно возвращается.

Милая старушка долго рассказывала ему про дом, места в округе, про Ингу и Симона. Она упомянула даже семью Березовских, которые часто бывают здесь, что у них есть внучка Оля, одного с ним возраста, что она играет на фортепиано, что Березовские очень хорошие люди.

— Со временем тебе здесь понравится, вот увидишь. — уверяла его добрая женщина.

Андрей не знал, почему вдруг расплакался. Нина всплеснула руками и утешала его, как могла. Ему не хотелось плакать перед другим человеком, и он подавил слёзы. «Всё в порядке, я бы хотел переодеться к ужину», — сказал он. Андрей убедил её, что чувствует себя прекрасно. Нина старалась успокоить мальчика, и только убедившись, что он перестал плакать, она вышла.

Как только дверь за старушкой закрылась, мальчик что есть сил разрыдался. Все чувства, которым долго не было выхода, сейчас, когда он оказался один, наконец вырвались наружу и он плакал, плакал, плакал. Андрей не мог перестать думать о маме. Всё, чего он хотел — это вернуть её.

Когда Нина постучалась к Андрею, он поспешно отёр слёзы, и сказал, что сейчас выйдет. Мальчик оглянулся: комната и правда была большая, с высоким потолком, но несмотря на то, что шторы были раскрыты, комната всё равно казалась тёмной. В углу стоял дубовый письменный стол с полками пятидесятых, а вдоль стены — широкий книжный шкаф. Кое-какие детские издания были совсем новые. Тут в дверь снова постучала Нина.

— Поторопитесь, молодой человек! — говорила она.

Андрей посмотрел на себя в зеркало — бледный и лохматый, с красными глазами. В свои одиннадцать он был слишком серьёзным. Андрей сделал глубокий вдох и вышел в коридор.

Нина провела мальчика в большую столовую, в которой когда-то сидело много гостей и играли музыку приглашённые артисты, и в которой последние двадцать лет не слышно было ничего громче голоса Инги, при том, что говорила она довольно тихо. Даже Нина не решалась говорить громче хозяйки. Звуки скрипок, фортепиано и пения давно канули в лету в этой усадьбе, с тех пор, как умерла тётка Сухтелен.

На потолке висела большая люстра, а посередине стоял длинный стол, за которым сидела его опекунша и её брат Симон. Андрей неуверенно вошёл в столовую, а Нина подбадривала его и вела туда, где мальчик должен был сесть. Симон и Инга молча наблюдали за Андреем, а он прижался к Нине и умоляюще поднял на неё глаза. Указав мальчику на его место за столом, Нина ушла, закрыв за собой дверь. На улице ещё было светло, в окно стучал мелкий дождь.

Делать было нечего. Он сел.

— Нам нужно рассмотреть документы из частного архива. — говорил Симон.

— Но у нас нет доступа к нему. — сказала Инга.

— Разве тебя это когда-то останавливало? — спросил её брат.

Инга задумалась. Казалось, её мысли были далеко отсюда, и она не замечала мальчика. И всё же уже минуту спустя она обратилась к нему:

— Тебе показали твою комнату? — проскрипела Инга, держа в руках газету.

— Да. — ответил Андрей.

— Хм, замечательно! — сказала она, уткнувшись в чтиво. — Ешь. — сказала она потом. Сама она даже не притронулась к ужину.

Андрею совсем не хотелось есть, и всё же он, будто заставляя себя, положил немного еды в рот. Больше он не мог проглотить ни кусочка и сидел молча, перекладывая еду на тарелке.

Андрей всё не мог взять в толк, о чём говорили Инга и Симон. Казалось, они специально говорили загадками, чтобы он ничего не понял, при чём это давалось им легко, безо всяких усилий. Наконец Инга заметила, что глаза у мальчика слипались и что он то и дело клевал носом.

— Уже поздно, иди в свою комнату, — сказала она.

Андрей послушался, и, пожелав Симону и Инге спокойной ночи, поднялся к себе. Оставшись один в комнате, он лёг в постель и горько заплакал. Весь мир казался ему враждебным, а это место — до невозможного странным. Жизнь с мамой в Петербурге в маленькой квартирке на улице Рабочей теперь была лишь счастливым воспоминанием. Сейчас его будто заточили в этом огромном доме. Вокруг дома — беспросветный лес с болотами, и бежать было некуда. Но больше всего ему разрывало грудь осознание того, что он никогда больше не увидит маму.

Вдруг раздался стук в дверь, и Андрей вздрогнул. Вошла Инга и села на край кровати.

— Твоя мама, — проскрипела она, — хотела, чтобы я заботилась о тебе после её смерти. Вот почему ты здесь. Нéчего плакать.

Андрей отвернулся. Он не хотел никого видеть в эту минуту. Если Инга пыталась утешить его, у неё не получилось.

— Она вообще не должна была умирать! — воскликнул он.

— Конечно нет. — сказала Инга и тяжело вздохнула.

Ещё несколько минут она сидела молча, думала о чём-то. Потом она посмотрела на мальчика, поднялась на ноги и молча вышла, оставив за собой пыль из тишины.

Андрей снова остался один. Инга невероятно озадачила его. Мальчик не понимал её, ведь он ещё не знал тогда, что Инга совершенно не умела разговаривать с детьми, если вообще она умела с кем-либо разговаривать.

Время шло, ему не спалось. Андрей понял тогда, что сбежать из этого дома просто невозможно: машина Инги заперта, да и водить он не умел. Нина говорила что-то про автобусную остановку, которая должна быть где-то неподалёку, но где именно эта остановка находится Андрей не знал. Про автобус он решил разузнать попозже. Ещё долго мальчик бестолку вертелся на кровати, сон всё не шёл. В конце концов он вскочил с постели и решил побродить по поместью.

Была яркая луна, поэтому было довольно светло, и всё же Андрей решил для начала раздобыть фонарик. Он заметил один в прихожей, когда только переступил порог этого дома. Когда Нина проводила его на ужин, одна половица скрипнула так громко, что Андрей постарался не наступать на неё в этот раз. Пол под ногами был деревянный и очень старый. Он спускался по лестнице так тихо, как только мог, и всё же одна ступенька предательски скрипнула, и Андрей застыл в ужасе. «Только этого не хватало!», — подумал он с досадой. Остальные не скрипели, и наконец он спустился на первый этаж.

«Так, фонарик должен быть на тумбочке возле входной двери», — подумал Андрей. Здесь, на первом этаже, были заколочены все окна, так что тьма стояла беспросветная. Лампу он не решился включить — кто-то мог заметить. И всё же Андрей не отступил. Он пошарил на тумбочке — ключи, брошюры, пакеты, но ничего, что было похоже на фонарь. Андрей выдвинул первый ящик. В нём были ключи, какие-то инструменты и… фонарь! Андрей включил его и первое, что бросилось в глаза — это фотография полной женщины на стене. Что-то заставило его руки задрожать, и мальчик ушёл из прихожей как можно скорее.

Поднимаясь вверх по лестнице, Андрей подумал обо всех тех, кто также наступал когда-то на эти ступени. Люди, которые ходили здесь когда-то — что занимало их мысли? У них тоже были как радости, так и несчастья. Одни яро гнались за целями, а другие — смиренно доживали свой век. Но гостей этого дома объединяло одно: все они были знакомы с Анной Сухтелен, все они поднимались по этим самым ступеням, и все они считали вечер в этом доме одним из лучших событий в своей жизни.

По бокам главной площадки был длинный коридор, в конце которого высилась большая дверь. Андрей подошёл к ней и дёрнул за ручку: закрыто. Пахло затхлостью и старыми бумагами. В конце коридора пол был покрыт толстым слоем пыли, и мгла, окрашенная лунным светом, заполняла длинный проход до левого крыла. Казалось, уже полвека здесь не ступала нога человека. В самом деле, Нина давненько не убиралась в правом крыле, но иногда здесь кто-то появлялся. Оглянувшись, он увидел в ночном свете свои следы, отпечатанные в пыли. Вдалеке завыла собака, и Андрей сжал фонарь в руках покрепче. «Больше не будет такой возможности», подумал он. «Я должен идти дальше».

Андрей дёрнул другую ручку ближайшей от него комнаты. Дверь поддалась, и мальчик вошёл внутрь. Пыль летала в воздухе, лежала на полках, поднималась с пола от его шагов и создавала синеватую мглу. Шторы были открыты. Андрей увидел кровать в углу, покрытую узорным пледом с бахромой, а напротив — дубовый стол. Мальчик обернулся. Вдоль стены стоял высокий книжный шкаф, до верху валившийся от книг: пособия по химии и медицине, словари, таблицы, а также классика — Сартр, Пруст, Достоевский… Его внимание привлёк череп, стоявший на одной из полок. «Настоящий», — подумал Андрей, и не ошибся в своём предположении.

В углу стоял пузатый гардероб. Открыв дверцу, он увидел женскую одежду, вернее, судя по размеру, одежду для девочек: платья: в клетку, полоску и др. Все они были слишком строгие, как будто здесь весела только школьная форма. Трудно было рассмотреть их цвет, но, без сомнения, они были тёмных тонов. Внизу стояли чёрные туфли на низком каблуке и пара осенних ботинок. На дверце висело зеркало, а на нём были прикреплены какие-то заметки: расписание уроков, а также открытка с надписью: «Не забывай меня!». На книжной полке между книг торчала тетрадь. Он вытянул её осторожно, а на обложке прочёл: «Инга Сибинова». Андрей поспешно вышел из комнаты, закрыв за собой дверь.

Глава 3. Закрытые двери.

На следующее утро Андрюша проснулся от лёгкого стука в дверь. Это была Нина, она пришла разбудить мальчика. Пыхтя, старушка вошла в комнату. Андрей не выспался и долго не хотел вставать, и всё же ей удалось поднять его с кровати.

— Пора вставать, Андрюша! — говорила Нина, — Инга скоро спустится к завтраку. Она хочет тебя видеть.

— Может, я позавтракаю один? — буркнул мальчик сквозь сон. — Может…

— Нет, нет и ещё раз нет! — злилась старушка, размахивая руками, — Вам следует проявлять больше уважения к опекуну, молодой человек. Вставай сейчас же! У тебя ровно пять минут на то, чтобы одеться.

Похоже, Нина сегодня не в духе, подумал он. Старушка вышла, и постепенно в памяти мальчика начали всплывать события предыдущего дня. Андрей вдруг вспомнил, в каком странном месте так неожиданно для себя он оказался, вспомнил ночную прогулку по старой усадьбе. Мальчик вспомнил, как нашёл старую комнату, полную неизвестностей, вспомнил недолгий и странный разговор с Ингой. Как же в эту минуту ему не хотелось спускаться вниз! И всё же Андрею пришлось подняться с кровати и поскорее одеться и умыться. Он готов было выйти из комнаты, но заметил на полу около кровати фонарик. Андрей поспешно спрятал его в выдвижной ящик стола.

Когда мальчик спускался, опекунша его уже сидела за столом и читала газету. Инга держала её в одной руке на расстоянии, а в другой — чашку чёрного кофе, и была неподвижна, будто вылитая из мрамора, и только глаза её быстро бегали вправо-влево по странице.

— Ты опоздал на пять минут. — сказала она, не шелохнувшись.

— Извините. — сказал Андрей, садясь за стол и пододвигая к себе тарелку с яичницей.

— Лучше на «ты», как думаешь? — проскрипела Инга, повернув голову и посмотрев на мальчика. — Нам ещё долго жить вместе. — И она снова вернулась к своей газете, как будто мальчика здесь вовсе не было.

Андрей тихо жевал свой завтрак. Наконец он решил нарушить молчание:

— А где Симон? — спросил Андрей осторожно.

— Он уехал к себе. — сказала Инга, не отрываясь от газеты.

— К себе? — переспросил он, но Инга ничего не ответила. Андрей начинал привыкать к этому. Наверное, не каждый поймёт Ингу, но постепенно он начинал понимать её.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.